

18+

Марам Кынаев

Тампуарх

Марат Купаев

Патриарх

«Издательские решения»

Купаев М.

Патриарх / М. Купаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904825-7

Книга содержит повествование о скоропостижном наступлении заката цивилизации и долгожданном возвращении человека к Богу.

ISBN 978-5-44-904825-7

© Купаев М.
© Издательские решения

Патриарх

Марат Купаев

© Марат Купаев, 2024

ISBN 978-5-4490-4825-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Власть... Во всех пределах только одна лишь власть... Он двигался, не касаясь отражения, вдоль изогнутых витрин, коротких отрезков мигающих окон, над беспорядочной чехардой глупо улыбающихся луж. Воздух жадно впитывал в себя остатки дня, суетливо толкаясь среди постепенно редееющей пятничной толпы. Из всего, что приходилось прежде на его долю, это было, пожалуй, наиболее унижительно. Цель уже близко... Отшатнувшись от яркого слепящего света надземного экспресса, он резко остановился, укрывшись в тени, оставленной распахнутой створкой подъездных ворот. Теперь только подождать. В нескольких шагах напротив за стойкой уличного бара стоял привычный глухой перестук и сливающийся с ним нестройный рой голосов. Экспресс плавно тронулся, бесшумно увлекая за собой маслянистые ленты дождя, бегущие откуда-то с верхних путей. Наискось через улицу торопливо шли двое, явно направляясь в сторону бара. Один из них замялся немного, в замешательстве оглядываясь, затем оба продолжили свой путь и через мгновение присоединились к общему гулу, скрывшись за пеленой табачного дыма.

– Так вот, говорю я тебе, это было наяву!..

Хрипловатый булькающий голос прорывался на улицу, выделяясь из монотонного говора, порывами ветра уносимый вверх, достигая слуха всё новых людей, людей, которые ничего не должны знать.

– Так бы и схватил, ещё хоть миг!..

Едва сдерживая гнев, он приготовился, стоя в узком треугольнике тени.

– Но знаешь, что странным показалось? Там был...

Это он. Говоривший внезапно встал, резко выпрямившись. Голова его была приподнята, глаза в агонии закатились вверх. Пивной бокал, никем более не удерживаемый, грохнулся об пол. Собеседник, находившийся рядом, неловко отпрянул назад, заваливаясь на спину. Прочие посетители равнодушно глядели на странного человека, не понимая ещё, что последует за этим. Мужчина закричал. От этого крика все разом, не стовариваясь, бросились прочь, спотыкаясь и падая, на слабеющих ногах, пытаясь заткнуть уши... спустя секунду всё было кончено. В наступившей неестественной тишине он пересёк улицу и подошёл к продолжавшему стоять человеку, небрежно переступая через неподвижные скрюченные тела и слипшиеся комки осколков посуды. Тот, второй, всё ещё был жив. Неудивительно. Их уже стало почти что двое, ещё немного и... Первый не шевелился.

– Ты доволен, алчный человек? Доволен тем, чем обладаешь?

Из глаз первого потекли вдоль по скулам два беспомощных ручейка.

– Ты знал, что пожелав обладать, не сможешь более отказаться? Отвечай!

Первый мелко затрясся, горло его ходило вверх-вниз, но не издавало ни единого звука. Второй попробовал встать и уйти, тщетно пытаясь увидеть говорившего, нащупывая руками опору за спиной. В следующий момент он резко вдохнул полной грудью, с лица его исчезла краска, глаза ввалились, застыв без выражения, мышцы по всему телу разом чудовищно напряглись, разрываясь и ломая кости. С этим покончено. Он вновь заговорил с первым, не переводя на него взгляда.

– Послушай меня, человек, послушай внимательно. Ты не можешь вернуть того, что посмел себе присвоить, не можешь спасти свою жизнь. Но ты можешь сказать мне, где это теперь находится. Тогда не быть тебе с ними в одной упряжке.

Он демонстративно обвёл взглядом обстановку... думая о чём-то своём, посмотрел ненадолго вверх... дальше, вдоль улиц... на верхнем этаже засвистел чайник, захлебнулся паром, зашипел кипятильник, утих... то тут, то там вразнобой звонили и умолкали телефоны, хрипело чьё-то расстроенное радио... ни голосов, ни криков, ни воя сирен. Простая и предсказуемая какофония большого города. Города без людей. Первый, наконец, смог каркнуть что-то нечленораздельное, багровея от напряжения.

– Ты должен показать, человек. Мало сказать.

Мужчина разом обмяк, медленно осев на пол. Зажмурив плотно и закрыв сложенными вместе пальцами глаза, он безуспешно старался перевести дыхание. Собрав остатки мужества, он указал на себя. Это было очевидно. Что ещё может прийти им в голову? Дикари, всё те же дикари.

– Худшей участи ты не мог себе избрать, неразумный. Идём со мной. Наша сделка отменяется.

Мужчина заговорил быстро, глотая слова, бегло озираясь вокруг, словно ища чьей-то поддержки:

– Нет, нет, так не должно быть, там не так сказано, там сказано не так, нет, почему, нет, Госп... нет, умоляю, нет, нет!!!...

Безучастно выслушивая этот лепет нашкодившего мальчишки, он спокойно выволок бьющегося в истерике мужчину на улицу. До чего постыдное занятие! Словно какой-нибудь там... Скорее вернуться, пока не решили узнать, где он так долго скрывается и почему. Впереди, в конце улицы, маячила странная тень, больше похожая на гигантские колышущиеся языки пламени, образующие на земле начертания, в коих угадывались временами привычные людскому пониманию символы. Но разве бывает тень от огня? Конечно нет, что за глупые сказки! Он был готов расхохотаться от этой мысли, но уже давно не помнил, как это делается. Человек всё ещё надеялся спастись, его истошные вопли перешли в тихое бормотание, затем в нервное хихиканье... С последним шагом тень воспряла, приняв корчившегося в ужасе мужчину и неуловимо взмыла вверх, распадаясь на тающие лоскуты. Ещё какое-то время этот опустевший внезапно мир балансировал на грани неизвестности, живя своей, непонятной его бывшим создателям жизнью. Затем где-то на восточной окраине внезапно раздался визг тормозов, чей-то одинокий возглас удивления, завывание раскрученного до предела двигателя... они не узнают, в этом их так называемое счастье.

– Попробуйте снова. Мы не можем в очередной раз уйти отсюда ни с чем, она должна что-то помнить! Погибли люди, понимаете?! Люди! Мы обязаны выяснить причину, это единственный возможный свидетель.

– Она не в состоянии отвечать на ваши вопросы, сколько можно об этом! Она такой же человек, как и все остальные, ей необходима поддержка, сочувствие, а не допрос! Может, уже оставите её, наконец, в покое и поищите свои ответы в другом месте?!

...Наконец, настойчивые посетители были вынуждены удалиться, сопровождаемые неодобрительными напутствиями дежурного. Свет над дверью В03, белой и гладкой, абсолютно такой же, как и остальные одиннадцать дверей блока, медленно погас. Дежурный поспешно направился к выходу вслед за уходящими, явно не желая оставаться наедине с этими аккуратными рядами одинаковых прямоугольников. Пройдя через массивную дверь, отделяющую блок В от основных помещений центра, он с заметным облегчением нажал на кнопку замка. Свинцовая плита метровой толщины беззвучно перекрыла коридор. Следом опустилась вертикальная стальная решётка, погрузившись примерно на треть ниже уровня пола в приспособ-

собленный для этого паз. Группы охраны снялись с огневых рубежей и зашагали восвояси, убирая оружие. Следователи остановились. Один из них обернулся в сторону дежурного.

– Сообщите, если она решит заговорить. Нам крайне важна любая информация. Прошу вас.

– Разумеется, офицеры. Мы и сами очень надеемся на улучшение её состояния. Всего доброго.

...Тёплый летний ветерок приятно ласкает кожу, длинные выгоревшие на солнце волосы легонько щекочат открытые плечи... Свет ярок, но не ослепляет, не жжёт, согревая и радуя... Дорожная пыль, прибитая ночным ливнем, совсем не мешает идти босиком по тёплому мелкому песку... Сосновый лес закончился, впереди бесконечные луга, серебристо-зелёное море пышных трав... Сколько цветов... Беззаботные облачка ромашек, редкие приметные огоньки васильков, маленькие стайки лютиков... Шелест высоких ветвей и малых стеблей, скорый бег облаков в небесной лазури, звонкий щебет птиц, то и дело вспархивающих и вновь прячущихся среди листвы... Огромный раскидистый дуб на небольшом холме посреди поля укрывает склоны в прохладной тени...

Девушка остановилась, вглядываясь вдаль. Навстречу ей шёл бодрой походкой средних лет мужчина в деловом костюме, немного взрывая песок носками лакированных туфель. Было заметно, что ему со значительным трудом удаётся это несложное передвижение по пустой просёлочной дороге в погожий денёк. Не то, чтобы ему было жарко или тесно в своей одежде. Он вообще с трудом находил опору под ногами, увязая всё сильнее, постепенно убавляя свой уверенный поначалу шаг. На лице девушки отразилось выражение лёгкой досады. Она отвернулась от дороги и снова стала смотреть на дерево. Мужчина сделал ещё несколько шагов, довольно ловко избегая падения, так как земля под его ногами расплывалась, будто подтаявшее масло под ножом. Видя, что дальше двигаться невозможно, он попытался остаться на месте, балансируя и размахивая руками для равновесия.

– Послушайте, прошу Вас! Мне очень нужно поговорить с Вами! Можно как-нибудь сделать так, чтобы я не упал и не сломал себе что-нибудь?!

...До чего настырный тип... Думает, что таким бесцеремонным образом можно себе позволить «войти в контакт»... От одного только названия мурашки по телу... Она сошла с дороги и направилась напрямик через поле, погружённая в свои мысли, скрываясь из виду в набегающих изумрудных волнах, бескрайнем волнуемом шуршании, в котором маленьким островком оставался лишь один холм, маня к себе покоем и уединением. Мужчина, оставшийся на дороге, в отчаянной попытке глянуть повыше и проследить за девушкой, всё-таки не смог устоять на ногах. Падая вперёд на вытянутые руки, он только успел подумать, что в следующий раз не стоит сразу же попадаться на глаза, надо как-то привыкнуть. Привыкнуть к чему? К этому? Инстинктивно повернув лицо набок, он не увидел, как его руки коснулись земли. И не почувствовал этого. Он уже летел кубарем в полной темноте, не встречая никаких препятствий на своём пути. Набирая огромную скорость, чувствуя, как перегрузки буквально сплющивают тело со всех сторон. Собрав остатки сил, он сконцентрировался на окне, бэ-ноль-три, окно, бэ-ноль-три, окно, бэ-ноль-три, ок... Сейчас раздавит!.. Давай!.. Бэ-ноль-три...

– Кто-нибудь, скорее! Техника зовите! И наших, всех! Не звонить никому, пока я не разрешу!

Он лежал на спине, без сознания, судя по показаниям датчиков активности. Часть сенсоров отсоединилась при падении, аварийная система отключения не сработала, полный блеск! Склонившись над ним, руководитель центра специальных исследований, почётный доктор наук, автор десятков статей и монографий по нейробиологии чувствовал, как вся его победоносная карьера катится под откос из-за этого чокнутого... Тот лежал всё так же неподвижно, лишь слабо шевеля губами... Этого не может быть, по показаниям системы он так и не пришёл в себя!.. Вот и они, голубчики, явились!

– Кто дал ему допуск и подготовил к сеансу?!... Вы все можете сегодня же сдать дела и быть свободны!!!...

Вошедших было четверо, двое молодых людей и две девушки, вся компания явно слегка в нерабочем настроении. Вид у всех напуганный, остатки веселья стремительно исчезали, меняя выражения их лиц при виде происходящего.

– Полюбуйтесь, что натворили!! Немедленно вон отсюда!.. Запомните – сегодня вас здесь не было, центр закрыт. Жду всех в понедельник ровно в десять утра, с отчётом за весь период стажировки и увольнительными записками.

Дважды повторять не пришлось, вся группа немедленно покинула небольшую комнату, заставленную по стенам аппаратурой управления и контроля. Руководитель уселся на пол, смотря куда-то расплывчатым взглядом, руками приглаживая редкие седые пряди надо лбом, пытаясь сообразить, какими будут последствия. Затем в очередной раз убедился, что основные сенсоры держатся, как надо, значит, показания мониторов верны. Без особого интереса прощупал пульс бедолаги. Что? Привычно сосчитав, растерянно потряс головой... Что происходит в этом корпусе?.. Пульс бился сильными, уверенными толчками. Пять ударов в минуту?! Он почувствовал озноб, рубашка моментально приклеилась к телу. Человек на полу неумело открыл один глаз. Отнял руку. Сел. Повернул голову, щёлкнув позвонками. Открытый глаз, внимательно изучая всё вокруг, остановился на руководителе. Неестественная механическая улыбка во всё лицо перекосила рот существа. Оно приветственно кивнуло головой, движение было резким и отрывистым, как у плохо отлаженного робота. Нижняя челюсть открылась, упервшись в шею, при этом подобие улыбки не исчезло... В этот момент на пороге появился старший техник смены. Он профессиональным движением уложил странного подопытного обратно на пол, присоединил один из упавших датчиков. Затем повернулся к руководителю, бледному, неподвижно сидящему рядом.

– Помогите переключить в аварийный режим! Он вот-вот совсем пропадёт, скорее!

Видя, что от последнего помощи не дождёшься, техник быстро поднялся и привёл в действие аварийный выключатель на центральной стойке управления. Система загрузила параметры исходного состояния и передала их на периферию, к нейронному контроллеру. Это незамедлительно отразилось на состоянии подключенного, он сразу пришёл в себя, морщась от боли, начал срывать датчики один за другим. Снова сев и оттолкнувшись ногами, передвинулся в угол комнаты, закрывая руками лицо. Посидев так с минуту, он успокоился, осознав, что опасности больше нет. Посмотрел на техника, пытаясь припомнить недавние события этого вечера. Затем встал, неуверенно пошатываясь.

– Здравствуйте. Я Вас не заметил, должно быть, когда проходил по нижнему этажу. Почему никого из ребят здесь нет, что-то произошло? И почему он?..

Оба посмотрели на руководителя центра, который до сих пор так и не сдвинулся с места, продолжая глядеть куда-то. Мёртв. Мышцы, похоже, свело судорогой, превратив его в подобие статуи.

– Они ушли, ничего не говоря. Просто вышли молча. Наверное, это он им сказал. Думаю, что можно звонить в управление, больше решения принимать здесь некому. Вам помощь нужна, Вы ужасно выглядите. Идёмте, я провожу Вас, это рядом, выйдем через улицу.

– Спасибо, действительно еле держусь на ногах. Почему он оказался здесь?

– Это я сообщил, такая моя обязанность, поймите правильно. Я всего лишь техник, моя задача, чтобы всё исправно работало. Когда увидел, что вся группа собралась в комнате отдыха, то понял, что система запущена и там никого нет на месте, сразу позвонил дежурному. Потом охранник прибежал, сказал, что меня срочно зовут сюда. А здесь и впрямь такое... Видать, нервы сдали у старика.

Они вышли из лаборатории, обходя вокруг главный корпус, к центральному входу. Над вертолётной площадкой уже стрекотал, садясь, транспортник из управления.

Она заставила себя открыть глаза. В абсолютной тишине каждый звук, казалось, мог выдать её присутствие. Спокойствие оказалось недолгим, даже в таком, казалось бы, неприступном месте. Здесь больше нельзя оставаться. Окно действительно было, до того, как блок перестроили. Сейчас только она могла видеть его. Сквозь толщу стены снег, лежавший на улице, казался тёмно-зелёным. Девушка встала, подошла к белой двери и стала пристально всматриваться в пространство напротив себя. Он действительно оказался настроенным помочь, хотя ему это вряд ли под силу. Едва не погиб. Чудной какой-то. Единственный, кто за это время сумел хоть что-то для неё сделать. Она колебалась ещё некоторое время. Единственный. Другого ждать бесполезно.

...В первый раз за всё время он почувствовал, что действительно вернулся. Привычные ощущения не давались, как и прежде, но при этом он ощущал реальность, не воссоздавая её из воспоминаний и мыслей. Как же давно это было...

– Посмотрите, что с ним! Сейчас подойду!

Заместитель начальника управления вместе с двумя следователями стояли напротив бара, вокруг них работали санитарные бригады, поспешно собирая тела погибших. Пробраться сюда пришлось более двух часов, все улицы оказались забиты столкнувшимися автомобилями, тротуары устланы неподвижно лежащими людьми. Лишь небольшая часть одного из переулков, ведущих от центральной площади мимо остановки экспресса, оказалась абсолютно пустой. Что бы это ни было, оно началось отсюда, на подступах к этому месту погибших на улице было больше всего, они явно пытались спешно убежать, скрыться от чего-то. Все трое прошли в сторону площади. Коронер стоял рядом с телом какого-то мужчины. Тот оказался здесь не по своей воле, это было заметно по следам на одежде.

– Это уже кое-что. Выставьте дополнительное оцепление, я хочу, чтобы здесь никто больше не появлялся до приезда наших.

– Слушаюсь, сэр.

– Признаки те же, что у остальных?

– Никак нет, сэр, этот никаких явных телесных повреждений не имеет.

– Так. Этот, ещё один странный труп там, в баре. Весь переломан, но ни одного кровоподтёка, ни одной ссадины. Эти двое вполне могли остаться живы после гибели остальных. До прибытия нашего транспорта никого из них не трогать, предупредите санитаров.

– Есть, сэр.

...Воспоминания, словно бегущая строка, не превращаясь в образы, оттеняли события четырёхмесячной давности. Он попробовал открыть глаза. Никакого результата. Невозможно сделать ни одного движения. Забытое чувство тревоги заставило напрячь слух. Невероятно, он смог уловить... Что это?.. Похоже на звук работающего холодильника. И ещё... Лампы дневного света жужжат. Значит, он и правда здесь. Значит, он больше не интересуется его. От былого стремления к свободе и жизни остался лишь тихий всплеск радостного облегчения. Но и это значило много. Мысли начали просыпаться, полноводным ревушим потоком прорываясь сквозь внезапно образовавшуюся брешь в непреодолимой плотине невольного заточения. Он начал делать безостановочные попытки пошевелиться, думая о том, что заставило его забыть о нём, куда теперь направлен тот ищущий взгляд, взгляд, которого ни один смертный не способен выдержать. Значит, кто-то другой теперь в опасности. Как это возможно?.. Получается, что все те люди... Он неимоверным усилием воли оттолкнул от себя неподъёмной тяжести мысль, видение, невольным виновником которого стал. Он во что бы то ни стало должен это остановить, предупредить. Уничтожить все следы, ведущие к началу, во тьму тем. Освобождённый дух его расправился в окоченевшем теле, упрямо пытаясь подчинить себе стылую плоть, разжигая вновь пламя отнятой жизни... Ничего не получалось. Он несдержанно выругался про себя, по-другому не выходило. Полузамороженный труп не может шевелиться, как

тут ни пыжся. Напрасно он попытался снова уйти, всё тщетно. Отчаяние нахлынуло волной холодного тумана, лишая воли и рассудка. Это конец. Всё вернулось на свои места, он оказался там, где всем покойникам положено дожидаться своей участи. Несчётные дни, проведённые в забвении, проносились над ним, полосами белого света проводя по сомкнутым векам...

– Этого, который с переломами – на аутопсию, переставьте вон туда, в начало очереди.

Спокойно заполняя протокол передачи тела на обследование, санитар с интересом смотрел на второй раскрытый мешок. На коже второго совершенно отчётливо виднелись многочисленные, довольно странные следы, чем-то напоминающие следы уколов, но настолько мелкие, что больше напоминало... вспомнив, как в детстве поранился каменной ватой, он боязливо поёжился. Странно, в протоколе не отмечено.

– У этого вся кожа мелко иссечена. Почему в протоколе ничего об этом нет?

– Послушай, дружище, наше дело доставить их сюда как можно скорее. Мы свою работу выполнили, пиши, что хочешь. Номера на бирках совпадают?

– Совпадают... даже записки нет от coronera. Ладно, ребята, спасибо, я сообщу судебному патологоанатому, пусть разбирается. Хорошего уикенда!

– И тебе неслабого, бывай!

Водитель и второй парамедик живенько двинули по своим делам, пока этот тип снова что-нибудь не начал спрашивать, и так четверть часа не отпускал от себя и от этих странных жмуриков. Санитар перевернул листок протокола, может тут написано, а то совсем путаница выходит. Ага, конечно, вот и оно: многочисленные... так, это ясно... мхм... вот, теперь сходится. Он сверил номер. Ну что за раззявы, совсем работать разучились! Номера неправильно переписали! Не переворачивая страницу второго протокола, он поменял бирки местами, оставил один протокол на трупе, оставленном для вскрытия, взялся за ручки стола, на котором лежал второй и скорым шагом покатил его в хранилище, радостно насвистывая какой-то нехитрый мотивчик, довольный своей сообразительностью, предвкушая наслаждение предстоящими вечерними удовольствиями. По-быстрому задвинув тело в камеру, и захлопнув дверцу, он почти бегом поспешил в раздевалку, всего на пару секунд разминувшись с патологоанатомом, который зашёл в хранилище мрачнее тучи, держа в руке протокол. Кто-то подсунул ему не то тело, похоже. Явно не соответствует описанию. Не найдя нужного номера в реестре хранилища, он с досадой вернулся к себе. До конца рабочего дня оставалось ещё часа два, времени достаточно. Пусть сами разбираются, кто у них там что не так заполнил. У него есть тело, номера совпадают, можно работать. Приготовив камеру и диктофон, он открыл свёрток с инструментами. «...Белый мужчина, возраст примерно тридцать пять лет, многочисленные переломы костей, множественные разрывы мягких тканей, внешние признаки нанесения телесных повреждений отсутствуют, вероятная причина смерти – обширная кровопотеря и остановка дыхания вследствие болевого шока...»

...Скрип двери вернул его. Быстрые шаги. Чьи-то голоса, один из них громкий, уверенный, властный. Приближаются... Только в этот момент он понял, что может слышать. Снова надежда заполнила все мысли, дикое, необузданное желание вернуться к жизни.

– Значит, будем открывать все подряд и смотреть! Знаете, чем это пахнет?! Полагаю, что догадываетесь!

– Да, конечно, понимаю, сэр. Мы намерены провести внутреннее расследование, этот случай первый за всё время. Уверю вас, что...

– Довольно объяснений! Начинайте немедленно! Результаты его вскрытия должны быть представлены сегодня же! Если вы не умудрились вовсе его кремировать!

Вокруг шумно открывались и захлопывались дверцы камер, громыхали полозья, громко назывались номера. Слух радовался каждому звуку, пробуждая воспоминания, ассоциации, подстёгивая медлительный ещё разум. Сам он пытался сообразить, что успеет сделать, сколько ему осталось. Искали его, он не сомневался.

– Четыре-девять-три-ноль-один-семь!

– Стоп! Этот! Перекладывайте!

– Четыре месяца!.. Целых четыре месяца расследование по вашей милости велось в неверном направлении!.. Я вам гарантирую крупные неприятности!.. Чтобы отчёт был в управлении через три часа!..

– Но сэр, это невозможно, необходимо, чтобы температура...

– Через два часа!!! Вы поняли?!! Полный отчёт!..

Вот это голосище, даже зазвенело в ушах. Взяли с двух сторон. Да ведь он как стеклянная болванка, манекен. Ни один позвонок не шевельнулся, руки так и остались вдоль тела, на весу. Никаких ощущений от прикосновения. Зачем всё это?.. Дребезжание каталки, эхо полутёмного коридора, удаляющаяся брань говорившего на повышенных тонах... Глаза. Свет. Он видит свет, может отличать от темноты!

– Поставьте вот здесь. Накройте его чем-нибудь. Через три-четыре часа можем начинать.

– А тот сказал...

– Неважно, что он сказал. Да, мы облажались, причём по-крупному. Подозреваю, что не без помощи того молодого торчка, который себя-то не мог иной раз найти, не то, что журнал учёта. Но я не позволю этому орущему идиоту окончательно втоптать нас в грязь. Тело должно отогреться, на это может и пяти часов не хватить. Хотя... ткани уже, кажется...

Патологоанатом потрогал плечо через ткань.

– Ладно, идите пока, я сам посмотрю и позову.

Свет погас... Шаги и голоса удалились, затихли... У него появился шанс. Что-то есть... Левое плечо... Чувствуется... тупая боль от прикосновения, очень слабая... Остывшее сердце неуверенно трепыхнулось в груди, остановилось... Снова, уже отчётливее... Ещё раз... Этого не может быть, невозможно... Он ведь мёртв, столько времени... В ответ на эти мысли в межреберье отозвалось волной новой боли, грудь медленно, рывками поднялась, впуская воздух... Следующий вдох... Очень больно, резь и острое покалывание в груди, но не остановиться... Он стиснул зубы... Получается!.. Непроизвольно шевельнулся палец на левой руке... Сухие склеенные веки стали тепло-восковыми, смятые ресницы распрямились, иней на них обернулся россыпью мелких сверкающих бусинок росы. Мысленно зажмуриваясь, он открыл глаза...

– ...Вы меня слышите? Я спрашиваю, каково Ваше мнение?

...Почему он не вернулся сразу, как это бывало прежде? Что случилось со стариком?.. Надо попытаться скопировать запись сеанса, пока есть время. Хотя бы просмотреть. Вспомнить ничего не удаётся, такого тоже никогда не было.

– Да, возможно Вы правы. Очень похоже.

Он сидел напротив заместителя, не сводя глаз с гладких стен корпуса, в котором всего полчаса тому назад едва не погиб. Заместитель начальника управления, довольно пожилой худощавый тип с неприятно сверлящим взглядом выцветших серых глаз, взял паузу, устав говорить.

– В общем... Вы правы, сэр, это было какое-то стороннее вмешательство, программный сбой, скорее всего. Наш объект тут ни при чём. Случайное трагическое совпадение. Она не обладает такими способностями, что неоднократно подтверждено тестами на уязвимость... Извините, я на минуту.

– Вы хотите сказать, что ваш коллега погиб из-за программного сбоя?

– Нет, разумеется. Он не был подключен к системе, следовательно, причина его смерти не в этом. Полагаю, что экспертиза даст нам ответ в скором времени. На мой взгляд, это могло быть поражение электрическим током.

Он спокойно вышел из прокуренной комнаты центрального поста охраны, стараясь не выдать волнения, уверенно двигаясь по затемнённым коридорам. Спустился по винтовой

лестнице на первый этаж, подошёл к стеклянным дверям. Навстречу ворвался морозный вихрь, приятно остужая лицо. Снежная пыль закружилась, сверкая в янтарно-жёлтом свете ламп аварийного освещения. Странно, что никого больше до сих пор нет... Значит, вот-вот появятся. Пройдя почти половину расстояния от центрального входа до дверей лаборатории, он услышал, точнее, почувствовал, резко нарастающее со всех сторон давление... Разом погасло всё аварийное освещение комплекса. Нигде вокруг, насколько хватало взгляда, не осталось ни единого огонька.

Только не это! Ещё около пятнадцати минут оставалось, пока сервер не отключился. Забыв про осторожность, он опрометью бросился наугад по дорожке, надеясь не сбиться с пути. Заставил себя перейти на шаг, вытянул руки перед собой... В темноте ничего не было, оставались одни лишь звуки, непривычно громкие. Чуть не налетев на перила, он на ощупь поднялся ко входным дверям. Электромагнитные замки не успели сработать, ему повезло. В холле могли остаться охранники, ещё пальнут, не глядя... Быстро пройдя через бесполезно вертящийся турникет, он уже повернул в ту сторону, где должна была находиться лестница, ведущая на второй этаж, в аппаратную. Внезапно поскользнувшись, он едва успел ухватиться за настенный поручень. Под ногами, насколько можно было понять, что-то разлилось. Ещё не понимая, в чём дело, он встал спиной к стене и посмотрел перед собой. В ноздри ударил странно знакомый запах, запах страха и опасности... Нет, что это?.. Нашупав свободной рукой в правом кармане пиджака зажигалку и подняв её повыше над собой, он чиркнул кремнем... Перед дверью блока В были люди... Сколько же их здесь?.. Все были изувечены до неузнаваемости, разбросаны по центральной части холла. Он лишь случайно не наступил ни на кого из них, двигаясь вдоль самой стены. Охранники ночной смены... А это... Похожи на солдат, кажется... Их будто кто-то швырял об эту свинцовую махину, покрытую теперь небольшими вмятинами... Он стоял в луже их крови... Ноги подкосились, он привалился к стене, запрокинув голову... Решётка перед дверью была поднята почти до самого верха. Это не конец, бежать, бежать!.. Лестница!.. В два прыжка оказавшись на спасительной высоте, он ощутил волну обжигающего лёгкие смертоносного жара, пронёсшего непереносимый запах горячей плоти и крови. Вся необъятная масса свинцовой двери, разом расплавившись, выплеснулась на пол вестибюля, с шипением и глухими хлопками взрывающихся патронов хороня под собой охранников и взвод армейского спецназа. Их транспорт стоял во внутреннем дворе, через окно лестничной площадки ещё виднелся пар, идущий от не успевшего остыть двигателя. Неожиданно загорелся свет, превращая события последних минут в бредовое видение. Пустой холл, бледно-голубые стены, хромированные поручни, стеклянные двери и перегородки, кадки с бамбуковыми побегами на своих обычных местах. Пол выглядит немного непривычно, но он совершенно ровный, матовый... Ни одной живой души вокруг. Абсолютно никого.

– Он ушёл. Я звала Вас, а явился он. Но сейчас его нет, не бойтесь, спускайтесь. Вы ведь очень хотели со мной поговорить.

Звонкий молодой голос доносился из коридора... Он заходил туда однажды, желая себя проверить, но не смог пройти дальше первой двери, потеряв сознание. Поборов, наконец, страх и придя немного в себя, он спустился до нижней ступени, крепко цепляясь обеими руками за перила. Дотронулся носком ботинка до странного серого пола... Может, он ещё не вполне оправился после неудачного сеанса? Ободряя себя этой мыслью, он шагнул вниз. Отойдя от лестницы на несколько шагов, ощутил ногами тепло нагретых подошв... Да, конечно, а за третьей дверью тебя поджидает чудовище с тонким девичьим голосом... Отгоняя казавшиеся глупым наваждением мысли, он заглянул в коридор. Свинец выплеснулся наружу, оставив белоснежный пол нетронутым. У выхода стояла, держась одной рукой за оголившийся дверной каркас, стройная длинноволосая девушка, почти подросток. Босиком, в просторной бледно-зелёной одежде, походившей на больничную. Что ж, это и была больница... Для обычных пациентов, но не для неё. Он вспомнил свои собственные слова о тестах на уязвимость...

За её спиной видна была ярко освещённая бесконечность коридора. По полу, начиная от самого входа, тянулись вдаль две колонки крупных надписей, сделанных блестящей чёрной краской. Рядом с надписью «В03» в стене зиял уродливой формы пролом с торчащей по сторонам арматурой, напротив лежала груда бетонных обломков и стальная крышка, скомканная, как лист бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.